

ТАК ПОХОЖИЙ НА СВОИХ ГЕРОЕВ

творческий портрет

УДИВИТЕЛЬНО не похож на актёра Леонид Дьячков. В жизни он как-то даже скован и в речи и в движениях, немногословен. Самое удивительное, что он и на сцене такой: все в движении, а он стоит, все говорят, а он молчит. Правда, уж скажет, так скажет!

Когда в 1961 году, еще не окончив Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, он вышел на сцену в Театре имени Ленсовета, в первых своих работах, пожалуй, именно этим в первую очередь обратил на себя внимание. Он и поныне играет в этой труппе у главного режиссера театра Игоря Владимирова.

Одной из первых его работ на сцене была роль трудновоспитанного, ершистого, недоверчивого парня из колонии в спектакле «Первый встречный». Потом — роль такого же «неподдающегося» в спектакле «Шедрый вечер». Сама жесткая, колочая индивидуальность актёра подсказывала такое назначение на роли. Эти его персонажи сквозь зубы гворнили, криво улыбались, дерзили, недоверчиво искоса поглядывали. Играть таких Дьячков мог легко, но играть он хотел других. В театре это поняли скоро, и его развитие как актёра пошло широко. Роли он играл самые разные, ища свою внутреннюю тему, и свой жанр, и свои способы внешней выразительности, пока эти поиски не слились воедино в лучшей роли, им первым в стране сыгранной, — роли инженера Чешкова в спектакле «Человек со стороны» И. Дворецкого. Инженера в черном кожаном пиджаке, таком же жестком и неподатливом, как его характер.

Пригласили Чешкова издалека, со стороны, на большое предприятие, и он, столкнувшись там с устаревшими методами хозяйствования, вступил с ними в бой. Борьба за научную организацию труда, за порядок и дисциплину на производстве отвечала задачам времени и нашла широкий отклик в зрительской аудитории.

Этот образ обошел сегодня чуть ли не все сцены драматических театров страны. Первые штрихи этого портрета современного типа руководителя производства лепил на сцене Театра имени Ленсовета Леонид Дьячков. Он играет эту роль с такой внутренней, личной страстью, что во всем поведении героя, его реакциях на происходящее обнаруживается гражданская позиция и самого художника — партийная чуждость к недостаткам, жизненный принцип «я отвечаю за все».

Собственно, и в работах актёра отрицательного плана (таких, особенно поначалу, было немало в театре и в кино) всегда звучит эта же тема, только доказываемая «от обратного». Валетов в первом его фильме «Принимаю бой» — главарь в компании бездельников, пиник, опустошающий своим нигилизмом окружающих и, в первую очередь, себя. Главарь банды «зеленых» Охрим в картине «Гори, гори, моя звезда» в исполнении Дьяčkова — сильный человек, пустивший свою жизнь под откос. Наконец, где-то соприкасается с этим рядом ролей работа актёра в спектакле Театра имени Ленсовета «Преступление и наказание» — Родион Раскольников, сосредоточенно инущий на ложном пути приложение своим недюжинным духовным силам. В этих ролях, как и во всех образах, созданных актёром, звучит тема сильного человека. Тема необходимости наиболее полного, общественно значимого раскрытия того, что заложено в личности, в характере. Тема гражданской ответственности за выбор жизненного пути.

ВСЕ герои Дьяčkова живут внутренне непросто. Им мучительно необходимо (это усилие порой мы видим почти вочью) пропустить через свое сознание все, что происходит с ними. Осознать, принять как свое или отвергнуть, оторгнуть. Его герои — максималисты все.

Его ранние образы «трудновоспитанных» были самым внешним, лежащим на поверхности выходом этой темы, ее негативным вариантом. Глубже его герои-молчуны, замкнутые однолюбы (в лирическом ли, в научном или любом другом отношении — безразлично). «Тебя что, на те роли приглашают, где слов не придумали?» — так шутили друзья.

Шутка была похожа на правду, актер умел играть, такие роли. Таков молчун Яков в фильме «Счастье Анны». Его вертолетчик в фильме «Городской романс» — человек нелегкой личной жизни, всегда замкнутый и трудно преодолевающий свое одиночество. А вспомните тугодума-следователя в «Фокуснике».

Пожалуй, многомерность исследуемого актёром характера наиболее полно открылась в образе Петра из фильма Л. Шанинского «Ты и я». Дьячков показал внутренне тонко организованную личность, в которой нелегко дающееся осмысление действительности оставляет неизгладимый след.

На десятом году своей кинематографической жизни Дьячков сыграл ту роль, к которой вели его творческие поиски в театре, в роли Чешкова в «Человеке со стороны». Он создал образ сталевара Лагутина в фильме «Самый жаркий месяц».

Лагутина часто сравнивают с Чешковым. Это закономерно. Это тот же новый тип личности, родившийся в нашей жизни, личности деловой, заинтересованной в четком налаженном деле. Тип человека, который появился в эпоху научно-технической революции, когда от производственника требуется не только высокое профессиональное знание, но и высокая гражданская ответственность за порученное дело. В «Самом жарком месяце» Лагутина произносит монолог о безразличности плохо организованного труда. Монолог находит отклик у зрителей, потому что он отвечает духу нашего времени и его задачам.

Лагутина, по признанию самого Дьяčkова, человек, который лично несчастлив производственными неурядицами. Сдать ли плавку до срока, но нарушая технологию, выпустить сталь похуже качеством, или выдержать характер, устоять перед теми, кто хочет работать напоека, и выдать плавку по всей технологии — вот какой коллизией проверяется по сюжету фильма характер Виктора Лагутина.

И как бы ни обострялась обстановка, Дьячков задолго до финала дает нам понять: его герой не свернет со своего пути. Не захочет. Не сможет. Столько истинной страсти, скрытого темперамента вкладывает исполнитель в этот образ. Столько личного, своего. Как в исполнении роли Чешкова.

Дело тут, думается, и в биографии.

КОГДА началась Великая Отечественная война, часть Кировского завода эвакуировали на Урал. Там же оказалась и семья Дьячковых. Его отец, инженер, работал над созданием моторов для танков Т-34, и мальчик на всю жизнь запомнил, с какой самоотдачей могут работать люди, что такое самоотверженное служение делу. И сам он, чтобы хоть чем-то быть полезным в свои малые годы, ходил в санитарный поезд, когда тот возвращался из поездки на фронт, читал стихи раненым.

Эти, сохраненные на всю жизнь военные впечатления, наполняют внутренним темпераментом многие роли, сыгранные Дьячковым. Нет, его Лагутина не отступит, не изменит высоким нравственным, гражданским принципам, воспитанным в нем нашей жизнью.

А что было бы, если бы Лагутина сдался? Согласился бы кончить плавку на полчаса раньше, сварил бы сталь чуть худшей марки?

— Да как же он мог сдать? — говорит о своем Лагутине актер. — Если бы он был способен отступить, это был бы совсем другой человек.

Мы видели такого человека в исполнении Дьяčkова. Проблема сегодняшнего героя составляет суть творческих поисков актёра. Создав образ на сцене, он продолжает разговор на экране, выводит параллель, антитезу, вариант, Размышляет. Приглашает к раздумью зрителей.

На этот раз героя зовут Черников. Он работает главным инженером на строительстве большого комбината.

Он в таком же черном кожаном пиджаке, в котором впервые вышел на сцену Чешков в «Человеке со стороны». Только кожанка Черникова, героя картины «Ленфильма» «Премия», какая-то сугубо штатская, словно тот, кто носит ее, демобилизовался, снял

погоны. И лицо этого человека какое-то снизшее, опустошенное. У него светлые волосы, совсем светлые. Выцветшие — приходит в голову мысль. Кончики усов опущены, это усилиями гримера придано лицу Черникова совсем уж унылое выражение. «До лампочки», — говорим мы иногда. Так вот Черникову все «до лампочки». Он — понурый и угасший.

И страдание, и презрение к себе у Черникова Дьячков объясняет, проследив биографию своего экранного героя. Пришел в тайгу, мечтал, строил, наступал, спорил, боролся, ни себя, ни других не щадил, горел. Отступил, устал, сдался, отгорел.

— Это — отгоревший Чешков, — так сказал о своем герое Дьячков.

— Да, но на парткоме он стянул с себя оцепенение, он сказал все, что думает о начальнике строительства. О его методе работы, рассчитанном на штурмовщину, аврал, без заботы о деле в целом.

— Заговорить — еще не значит сделать, — возражает на это Дьячков, верный своему собственному характеру.

Я думаю, он не прав. То, что им сыграно в «Премии», опровергает это. Вель монолог Черникова после его долгого молчания — это уже поступок. И, судя по тому, как этот монолог сыгран, это первый из многих предстоящих деловых поступков возрожденного Черникова. Есть, сохранилась еще в этом человеке прежняя наступательность. Снова готов он к бою, и сейчас, в парткоме, в первую очередь ведет бой с собой — опустившим руки, примирившимся, отступившим. А такой спор с собой — это уже позиция Лагутина, дьячковского героя из фильма «Самый жаркий месяц».

Представляется принципиально важным то, что созданные актёром персонажи — это люди колочие, ершистые, дуждые всякого размягчения. Присущая им угловатость — не от внешней неловкости, а от полного неумения внутренне прилаживаться, сглаживать углы. Все, созданные им на экране герои — трудные люди. Для окружающих трудные, для себя — вдовольные.

НАШ рассказ о Дьяčkове мы начали с того, что у этого актёра совсем не актерская внешность. И герои его не похожи на сыгранных, скорее, это люди, увиденные в толпе, приметные в своей типичности. Жест, мимика актёра никогда не создают впечатления отретированных, повторенных. Более того, они в каждый данный момент кажутся вовсе необязательными. Игре Дьяčkова свойственна скрытая импровизационность. Вернее, скрытная. Потому что это не каскад находок, пластических ассоциаций, не «спир артистизма», а потаенная, но безупречная точность, верность оригиналу, жизненному типу, подкупающая зрителей безоговорочной достоверностью. Сам актер говорит об этом довольно своеобразно: «Не надо быть над образом, играть кого-то, кто ниже тебя. Надо быть тем, кого играешь». Легко сказать!

— Мы не играли, а просто работали, — сказал он собственноручно о том же в одном из интервью о съемках фильма «Самый жаркий месяц».

В этом, пожалуй, вся суть творческой лаборатории актёра, недаром он, вспоминая о своих занятиях у Б. В. Зюба в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, повторяет слова профессора: «Я учу вас не играть роли, а уметь жить на сцене жизнью другого человека». Дьячков живет на экране жизнью до конца, абсолютно известного ему сталевара Лагутина. И жизнью внутренне смятенного врача Петра, который найдет в себе силы найти себя. И жизнью совершенно известных ему инженеров Черникова и Чешкова, которые зовут нас в первую очередь за все спрашивать с себя.

М. ИЛЬИНА

На снимке: заслуженный артист РСФСР Л. Н. Дьячков.